

И. А. БОГОДУХОВ

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛОВ

(на материале французского языка)

1. ТРАНЗИТИВНОСТЬ

При постановке проблемы транзитивности сразу возникает вопрос, что чем определяется: внутренняя природа вызывает объект или, наоборот, наличие или отсутствие объекта определяет природу глагола. Это вопрос не праздный: ответ на него определяет принадлежность к разным направлениям в лингвистике — психологическому или формальному. Словом, речь идет о природе категории транзитивности¹.

Ее трактуют двояко: одни лингвисты считают, что это категория семантическая, т. е. зависящая от конкретного содержания глагола; другие определяют ее как категорию грамматическую, точнее, синтаксическую.

История вопроса не входит в задачу данного исследования. Поэтому мы рассмотрим лишь природу данной категории, как она представляется современной науке².

Затруднение в определении категории транзитивности заключается в отсутствии объективного различия и самого основания для такого различия между переходностью и непереходностью.

«Можно подумать, что оно ясно само по себе. В действительности же нет ничего менее определенного», — ³ говорит Вандриес и добавляет, что лучше всего противопоставить переходные и непереходные глаголы по наличию или отсутствию при них объекта, «так можно было противопоставить такие обороты, как *j'aime*

¹ В дальнейшем этим термином мы будем обозначать, ради краткости, категорию переходности — непереходности.

² Что касается истории развития данной категории, то об этом написаны такие работы, как статья А. В. Десницкой «К вопросу о развитии винительного падежа в индоевропейских языках», Изд. ОЛЯ АН СССР, т. 6, Вып. 6, М., 1947 и «Из истории развития категории глагольной переходности», Сборник памяти акад. Л. В. Щербы, 1951.

³ Вандриес. Язык, стр. 105 М., 1937.

Rose (люблю Розу) и la maison ou j'aime (дом, где я люблю), cet homme boit du vin (этот человек пьет вино) и qui a bu boira (кто пил — будет пить). Употребленный без дополнения, глагол действительно непереходен»¹

Таким образом, различие между переходностью и непереходностью у Вандриеса грамматическое. Того же мнения придерживаются и другие крупные лингвисты, например А. Мейе².

Более сложную схему деления глаголов предлагает современный голландский лингвист де-Бур. Правда, сложность его схемы — скорее результат непоследовательности, чем обоснованности его научной концепции. На первый взгляд, он характеризует эту категорию как семантическую³, считая, что есть глаголы, которые как бы требуют объект, к которому направлено их действие. Сами по себе они не могут выразить законченной мысли, и лишь прямое дополнение может сообщить им необходимый, недостающий момент для выражения ими законченной предикации. Такова, по мнению де-Бура, природа переходных глаголов.

Но дальше он утверждает нечто противоположное, говоря, что скорее следует обратить внимание не на природу глагола, а на его функционирование в предложении⁴. Иначе говоря, здесь речь идет уже о переходных и непереходных глаголах только с точки зрения функции в предложении, а, значит, независимо от свойства глагола как части речи. Идея сама по себе не лишена оснований, но, если она и справедлива, то лишь относительно некоторых типологических групп языков, в которых нет частей речи (а такие языки едва ли существуют).

Во всяком случае такое утверждение едва ли справедливо в отношении французского языка с его весьма развитой системой частей речи.

Итак, прямое дополнение, по де-Буру, это то, что вызывается глаголом, предполагается им. Поэтому переходными он называет те глаголы, за которыми следует прямое дополнение в речи. А глаголы без дополнения у него непереходные.⁵

При различении прямого и косвенного дополнения ученые психологического направления (де-Бур, Карцевский⁶, Сешэе и др.) делят их не по наличию или отсутствию предлога, а применяют

¹ Вандриес, Язык, стр. 106—107, М., 1937.

² А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 213, М.—Л., 1938.

³ С. de Boer, Leide, 1947, *Syntaxe du français moderne*, p. 190.

⁴ Так, он говорит: «Mais ne doit-il pas, du point de vue syntaxique, s'agir moins de la nature intérieure des verbes que de la façon dont ils fonctionnent dans une phrase?», p. 190.

⁵ С. de Boer, *Syntaxe du français moderne*, p. 193.

⁶ Карцевский говорит по этому поводу: «Глаголы характеризуют свое определяемое (субъект) как деятеля и по своим семантическим значениям сводятся к двум группам: название такого признака, который мы представляем себе переходным, т. е. влияющим на другой предмет (объект) или название признака, который непереходен, т. е. не влияет на другой предмет». С. С. Карцевский, Повторительный курс русского языка, стр. 39, м-1., 1928.

понятие «предположительности» глаголом своего объекта. Значит, если глагол вызывает объект, то это прямое дополнение, в противном случае — это дополнение косвенное. Так, у них *à Paris* — прямое дополнение в предложении *Je vais à Paris*, а в предложении *Je dîne à Paris* — это косвенное дополнение. Подобный способ классификации глаголов они называют синтаксическим критерием разграничения.

В понятие дополнение (оно называется синтаксическим аккумулятивом) эти ученые включают родительный и дательный падежи, выражающие связь, отношение. Например: «*Je suis à quelqu'un, le chapeau à papa, la bataille de Waterloo, etc.*»

У Сэшэ и де-Бура это называется внутренним прямым дополнением (*le régime direct intérieur*), а Вандриес это называет категорией зависимости. Внешнее прямое дополнение (*le régime direct extérieur*) — это все обстоятельственные слова, которые глагол предполагает и которые поэтому, — являются прямым дополнением *travailler à Versailles, demeurer à Paris etc.* Однако, если глаголы *demeurer, travailler* в приведенных конструкциях имеют одинаковый признак (они вызывают, предполагают дополнение), то сами по себе, семантически, они совершенно различны:

Поэтому такие общие понятия, как «категория зависимости» (Вандриес), «предположительность» (де-Бур) закрывают путь дальнейшему лингвистическому исследованию.

Нет единодушия среди лингвистов и в делении глаголов на прямо-переходные и косвенно-переходные. Некоторые языковеды возражают против такого деления¹. Академическая грамматика русского языка, напротив, различает эти глаголы.²

Однако, вопрос о транзитивности вообще в Грамматике АН СССР трактуется достаточно запутанно. Так, в § 669 мы читаем: «По отношению к объекту, т. е. по своим связям с падежами, глаголы делятся на две большие группы: на глаголы переходные и непереходные». Как видно «по своим связям с падежами», глаголы делятся на эти группы по синтаксическим свойствам. Но уже в следующем параграфе дается другое определение: «Одни глаголы выражают такие действия, которые переходят непосредственно на другой предмет... Другие глаголы выражают действия, не вызывая при этом представления о лицах или предметах, на которые действие переходит...» Поскольку речь идет о том, что глагол вызывает или не вызывает представление об объекте, то ясно, что это определение основано на чисто лексическом содержании глагола.

И опять (§ 672) авторы Академической грамматики возвращаются к первоначальному тезису о синтаксической природе транзитивности глагола.

¹ L. Clédat, *Nouvelle Grammaire historique*, p. 211, Paris, 1907.

² «Многие непереходные глаголы так же, как и глаголы переходные, выражают действие, переходящее на другое лицо или предмет... названия таких лиц или предметов ставятся не в винительном падеже без предлога, а в других падежных формах без предлогов или с предлогами... Такие глаголы нередко называют косвенно-переходными... Грамматика русского языка АН, ч. I, стр. 412.

тивности: «Переходные и непереходные глаголы... определяются по сочетаемости с винительным падежом прямого дополнения».

Как видно, Грамматика АН склоняется все-таки к признанию синтаксической природы этой категории. Косвенно это подтверждается и в примечании к § 671, в котором говорится, что переходные глаголы могут употребляться и без указания объекта. «В таком случае эти глаголы приобретают особые оттенки значения. Это значит, что если прямое дополнение при глаголе является синтаксической конструкцией с определенным значением, то ее изменение (устранение объекта) меняет значение глагола, определяет его природу. А в этом и заключается суть нормального подхода.

Однако большинство советских лингвистов придерживаются противоположного мнения, полагая, что транзитивность — категория семантическая.

Логико-психологический (традиционный) аспект транзитивности

Известную ясность в проблему вносят работы А. Мейе¹ и А. В. Десницкой² по истории развития категории глагольной переходности. Правда, история вопроса не входит в задачу исследования, тем более, что историческая последовательность вовсе не дает объяснения, а, наоборот, сама является фактом, требующим объяснения: история представляет собою простую констатацию фактов. Здесь дело касается «истории» лишь постольку, поскольку имеют место статические (а не эволюционные) преобразования лингвистических элементов. Иначе говоря, в диахронической лингвистике нас интересуют лишь последовательности синхронных срезов, а не переходные моменты, что и составляет собственно историю языка.

Итак, винительный падеж, по словам А. В. Десницкой, был способом оформления обстоятельственных дополнений.³ При этом категория транзитивности отсутствовала, т. е. глагольная основа была нейтральна в этом отношении.

Возникновение глагольной переходности связано с развитием винительного падежа, который обнаруживает «эволюцию от первоначально обстоятельственных значений к значению прямого дополнения».⁴ Это означает, что употребление глагола с дополнением вызывает переосмысление грамматического значения глагола. Употребление такого переосмысленного (регулярно употребляемого с дополнением) глагола вызывает у нас ощущение связи действия с дополнением. Вот это ощущение и представляет собою психологи-

¹ См. стр. 1—2.

² Следует отметить, что сама А. В. Десницкая основывается на работах А. Майе.

³ «Из истории развития глагольной переходности», Сб. памяти Л. В. Щербы, Ленинград, 1951.

⁴ А. В. Десницкая, «К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках», Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. 2, 1947.

ческую базу транзитивности. Таким образом, признание категории транзитивности семантической категорией основано на реальном психологическом ощущении переходности, хоть оно имеет под собою непсихологическую базу.

По формулировкам, существующим как в учебной, так и в научной литературе, переходный глагол тот¹, действие которого переходит на объект, а прямое дополнение — выразитель объекта действия.

Подобные условности определения (содержания синтаксической категории) не свободны от элементов психологизма и логицизма, и поэтому не выдерживают критики с точки зрения чисто формального анализа, ибо логические категории, как известно, не совпадают с грамматическими².

Эти же психологические обоснования и послужили отправной точкой заблуждений традиционной лингвистики, ибо указанное ощущение (связи действия с дополнением) воспринимается нами как проявление природы глагола. Если в этом и заключается природа глагола, то природа психологическая, а не лингвистическая.

Итак, преимущественное переходное или непереходное употребление глагола закрепляется узусом языка и тесно связывается с определенным семантическим значением глагола так, что кажется зависящим от него.

Так, с одной стороны, изменяется роль прямого дополнения в винительном падеже (от обстоятельственной к объектной) при глаголах, которые вначале были нейтральными; с другой стороны, как результат новых отношений между действием и его дополнением в винительном падеже, возникает дифференциация глаголов на переходные и непереходные. Переходность осмысливается как логическая природа глагола, обусловленная его значением (семантикой).

Лингвистический аспект транзитивности

Какова причина запутанности в трактовке вопроса транзитивности? Теперь можно сказать, что причина лежит в самих методологических основаниях (полагают, что значение глагола определяет синтаксическую конструкцию).

Наиболее приемлемой следует считать точку зрения тех лингвистов, которые полагают, что сочетаемость определяет природу транзитивности, т. е. которые стоят за синтаксическую природу транзитивности. Следовательно, если эту категорию отнести в разряд синтаксических, т. е. считать, что употребление или неупотреб-

¹ «К переходным относятся глаголы со значением действия, направленного на предмет, изменяющего или производящего этот предмет — объект действия: читать книгу, расширить рукав, сшить костюм», Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь и др. Современный русский язык, стр. 227, М. 1964.

² «Расхождение между грамматикой и логикой состоит в том, что грамматические категории и логические очень редко покрывают друг друга»... Вандриес, Язык, стр. 112, М. 1937.

ление прямого дополнения обуславливает значение глагола, то наиболее объективной классификации можно добиться на основании одного принципа деления, при постоянстве отношений между синтаксической конструкцией и значением глагола, которое он обуславливает.

Отношение между синтаксической конструкцией и значением глагола сводится к делению лингвистического объекта на язык и речь.

Если факты речи как конкретной деятельности и факты языка как абстрактные правила, как не материальная сущность, совершенно противоположные вещи, то это как-то должно присутствовать в любом проявлении речевой деятельности. Так, например, в предложении «*La fortune rit aux sots*», представляющем собою образец речи, выступают оба ряда явлений: во-первых, слова, ни одно из которых не создано говорящим; во-вторых, грамматическая схема предложения, которая тоже построена не по капризу говорящего. Эти два момента, представляющие собою традицию, являются собранием лингвистических привычек и составляют факты языка.

Но что осталось от речи?¹ — Данная конкретная фраза как конкретная реакция на конкретную ситуацию: речью является цель говорящего сообщить, что *la fortune (rit)*, а не, скажем, *Jeep* или что *(la fortune) rit*, а не *pleure, (rit) aux sots*, а не *aux sages etc*

В практике лингвистического анализа это различие языка и речи является пробным камнем и разделяет лингвистов на два больших лагеря: структуралистов и традиционалистов. Структуралисты используют это различие в своей лингвистической практике, в то время, как традиционалисты это различие не отражают в конкретных лингвистических методах.

Во всяком случае, если мы попытаемся коротко представить традиционную картину лингвистического анализа на нашем материале (классификация глаголов), то она будет выглядеть следующим образом.

Каждый глагол имеет самостоятельное грамматическое и самостоятельное лексическое значение, которые находятся в каких-то, вероятно, постоянных отношениях.

В сфере грамматики глаголы, как мы видели, противопоставляются в оппозиции «переходность — непереходность»².

¹ «Речь всегда конкретна, она приурочена к определенному месту и к определенному времени... В противоположность однократному характеру речевого акта язык представляет собою нечто общее и постоянное» Н С Трубецкой, Основы фонологии, стр. 7, М. 1960.

² «Категория переходности и непереходности существует лишь в противопоставлении друг другу. Если отсутствует одна из них, то тем самым не приходится говорить о наличии другой, как нельзя говорить о нулевой форме вне системы других, не нулевых форм. Поэтому, говоря о древнейшем характере глагольных основ в индоевропейских языках, следует обосновать его именно как нейтральный или абсолютный, подчеркивая этим самым отсутствие дифференциации значений переходности и непереходности» (А. В. Десницкая, «Из истории разв. катег. гл. перех.» Сб. памяти Щербы, 1951 г.)

Но этим не исчерпывается характеристика глагола, есть еще нейтральное, или абсолютное употребление (см. сноску на стр. 28).

Однако некоторые лингвисты (например де-Бур) говорят об абсолютном употреблении глаголов в современном французском языке, противопоставляя его переходности. Такое понимание этого термина едва ли может быть правильным, так как приводит к путанице.

Если уж говорить о противопоставлении, то, очевидно, абсолютность (нейтральность) употребления глагола может быть противопоставлена только категории транзитивности в целом.

В древних языках категории переходности, противопоставленной категории непереходности, не существовало. Глаголы были просто нейтральны семантически, а значит, и грамматически, так как эта категория возникла из семантического распространения нейтрального глагола дополнением.

Это, конечно, не исключало сопряженности действия глагола с определенным объектом. Но сопряженность действия с объектом не носила характера психологической направленности действия, как это имеет место в современных, по крайней мере, индоевропейских языках. Этот древний объект, первоначально носивший характер обстоятельственного значения, лишь конкретизировал значение глагольной основы с помощью той или иной именной основы.

И только впоследствии эти обстоятельно-определятельные дополнения, закреплённые узусом за тем или иным глаголом, стали выделять переходные глаголы в противоположность непереходным, т. е. тем глаголам, которые не употреблялись с обстоятельными дополнениями. Так выделялась синтаксическая категория транзитивности.

Но наличие этой категории в современных языках не исключает «абсолютного», т. е. нейтрального в отношении транзитивности употребления глагола.

Следует заметить, что употребление термина «абсолютный» по отношению к глагольной переходности двусмысленно.

В современном французском языке этот термин употребляется в случае отсутствия прямого дополнения при глаголе. Однако отсутствие объекта в том, что мы традиционно называем предложением, еще не означает, что объект отсутствует в более широком контексте.

В этом последнем случае наличие объекта за пределами какого-то синтаксического целого, т. е. в более широком контексте или ситуации, мы называем эллипсисом. В этом случае говорят, что объект подразумевается. Эллиптическое отсутствие объекта не меняет природы глагола: он по-прежнему остается переходным.

В противном случае, т. е. при отсутствии объекта, глагол нейтрален по отношению к объекту и абсолютен в смысле первоначальной (индоевропейской) нейтральности относительно транзитивности.

В лингвистике первый и второй случаи смешивают (см. Ван-

дриес, де-Бур и др.), называя оба абсолютным употреблением глагола. В результате смешивают понятия переходности и непереходности.

Тут, как видно, возникает второе недоразумение терминологического порядка, которое всегда приводит к путанице по существу вопроса, — недоразумение со стороны «непереходности». В это понятие обычно вкладывают два совершенно различных значения.

Во-первых, «непереходность» понимается как член оппозиции переходность — непереходность;

во-вторых, оно употребляется в смысле абсолютности (т. е. как отражение безразличного отношения к транзитивности, в нашем понимании).

Подобная путаница, очевидно, не способствовала прояснению проблемы транзитивности.

Итак, в современном французском языке существует три типа глаголов:

1. переходные глаголы;
2. непереходные глаголы. Эти глаголы являются членами оппозиции; и
3. абсолютные глаголы, которые, вероятно, можно было бы противопоставить первым двум как одной категории. Эти глаголы напоминают собою случай нейтрализации (ср. в фонологии) первой оппозиции.

В современном французском языке абсолютное употребление глагола сохранило со времени индоевропейского периода свое значение нейтральности по отношению к транзитивности (объекту); но сохранив свое содержание, эти глаголы все-таки несколько переосмыслили его. Абсолютное употребление глагола обозначает «пассивное» состояние, т. е. деятельность без участия воли субъекта.

В русском языке это употребление глаголов можно продемонстрировать на следующих примерах.

1. Ребенок ходит?¹. Здесь глагол выражает действие само по себе, безотносительно к категории транзитивности, скорее как способность к действию, выраженному лексическим значением этого глагола.

2. Ребенок ежедневно ходит в школу. В данном случае действие противопоставляется как непереходность — переходности. (Ср. разговорное «Он ушел с работы» в значении уволился и жаргонное «Его ушли с работы»).

Словом, теперь эти глаголы означают (грамматически) действие само по себе, «пассивную» деятельность без участия воли субъекта, в отличие от непереходных глаголов, которые обозначают действие осознанное, добровольное, предусмотренное с самого начала, т. е.

¹ Разумеется, здесь не имеется в виду эллипсис, в результате которого первое предложение равно по смыслу второму.

имеют в виду активное участие субъекта. Например: «L'og plonge dans l'eau» значит погружаться в воду объективно, независимо от воли субъекта. По-русски это передается лексемой «тонуть» — (золото тонет в воде). С другой стороны, «Un enfant se plonge dans l'eau» означает, что субъект совершает действие добровольно, что это предусмотрено с самого начала им.

Для передачи на русский адекватного значения лучше всего употребить лексику «нырять» (ребенок ныряет в воду).

Само собой понятно, что третье значение (то, что традиционно называется переходным) этого глагола² обнаруживается при наличии эксплицитного или имплицитного объекта: «Il plonge «son ballon dans l'eau» (Он погружает или окунает мяч в воду).

К таким глаголам² относится следующая группа глаголов (наиболее употребительных). Они располагаются по три, из которых первый абсолютный, второй — переходный, третий — непереходный (se — глагол).

Approcher	approcher	qch	s'approcher
arrêter	arrêter	qch	s'arrêter
avancer	avancer	qch	s'avancer
augmenter	augmenter	qch	s'augmenter
baisser	baisser	qch	se baisser
balancer	balancer	qch	se balancer
changer	changer	qch	se changer
chauffer	chauffer	qch	se chauffer
coucher	coucher	qch	se coucher
diminuer	diminuer	qch	se diminuer
donner	donner	qch	se donner
embellir	embellir	qch	s'embellir
enlaidir	enlaidir	qch	s'enlaidir
fermer	fermer	qch	se fermer
lever	lever	qch	se lever
monter	monter	qch	se monter
ouvrir	ouvrir	qch	s'ouvrir
passer	passer	qch	se passer
pencher	pencher	qch	se pencher
plonger	plonger	qch	se plonger
reculer	reculer	qch	se reculer
servir	servir	qch	se servir
tenir	tenir	qch	se tenir
tourner	tourner	qch	se tourner
tremper	tremper	qch	se tremper

При своем грамматическом единстве эта группа глаголов и в логико-семантическом отношении проявляет явную тенденцию:

¹ Если взять за исходную точку зрения, что подобные глаголы являются вариантами одного слова, а не различными словами

² Количество таких глаголов, видимо, не менее 200.

располагаться бинарно. Так, скажем, в учебных целях¹ некоторые из них можно располагать не по алфавиту, а попарно:

1. avancer — reculer
2. augmenter — diminuer
3. baisser — monter
4. chauffer — refroidir
5. coucher — lever
6. embellir — enlaidir
7. fermer — ouvrir

Подобная логическая структура этой группы глаголов делает понятным не только абсолютное употребление глагола (это его собственное значение), но и все остальные значения — результат взаимодействия синтаксической структуры и семантики глагола, в том числе и значение квази-возвратной частицы при глаголах этого типа. Частица поливалентна. Поэтому важно выяснить ее структурное влияние на семантику данного типа. Ясно одно, что в этом случае она выполняет функцию не возвратной частицы, а роль активизатора семантического действия глагола (в отличие от грамматического действия), но об этом смотрите дальше.

Логически понятия возвратности и активизации действия близки, если не тождественны. Во всяком случае точка приложения у них одна и та же — субъект действия.

Отличаются они «акцентом» направленности действия. Проявляется эта разница в противопоставлении глаголов с *se* и без *se*. Наличие или отсутствие частицы несколько влияет на семантику глагола (см. ниже).

III. Балли об этом пишет так: «§ 518. Глагол бывает то простым, то возвратным; при этом местоимение само по себе не имеет никакого реального значения, но оно служит ярлыком, определяющим смысловое различие²».

В результате, древним «абсолютным» глаголам пришлось потесниться не только объективно, т. е. в сфере употребления (в терминах структурной лингвистики они ограничили потенциал своей сочетаемости), но и как следствие первого, логически.

Значит, современные французские глаголы дихотомически распадаются на две бинарные оппозиции:

1. Глаголы абсолютные — транзитивные;
2. глаголы переходные — непереходные (второй член первой

¹ Кстати сказать, эти глаголы, представляющие собой значительные трудности для учащихся, могли бы облегчить задачу обучения языку, если их интерпретировать указанным способом. Насколько затруднительно их понимание свидетельствует тот факт, что при переводе книги Балли «Общее языкознание и вопросы французского языка» были допущены ошибки именно в переводе глаголов данной группы. См. указ. соч. стр. 347, М. 1955 г.

² Общая лингвистика и вопросы французского языка, М. 1955, стр. 346

оппозиции распадается, в свою очередь, на два оппозиционные элемента).

Дихотомическую классификацию этих трех элементов (глаголы: 1. абсолютные, 2. непереходные, 3. переходные)

можно представить и по-другому. Однако как бы ни была искусна классификация, традиционные основания деления не вносят конструктивного изменения в классификации каких-либо лингвистических единиц.

«Нам ничего неизвестно о существовании, кроме постоянного проявления его».¹

II. КРИТИКА МЕТОДОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Назначение всякой научной работы — классификация каких-либо единиц по адекватному основанию. При этом научность всякого исследования находится в прямопропорциональной зависимости от объективности избранного принципа анализа. (В этом же смысле можно говорить о естественности избранных критериев научного анализа).

Цель данной работы и заключается в изыскании наиболее объективных (в указанном смысле) критериев классификации глагольных словосочетаний, точнее глаголов, по признаку их сочетаемости с зависимым словом.

Разумеется, это одна из первых попыток создания подобной работы. Поэтому до самого последнего времени в синтаксических работах находим выделение классов глаголов по семантическим признакам. Выделяют *verba putandi, dicendi, sentiendi* etc. Далее различают семантические группы внутри выделенных классов и т. д. Но при подходе к вопросу исследователь вынужден руководствоваться чисто субъективным пониманием значения глагола.

Французские глаголы по признаку своей сочетаемости с зависимым словом (в терминах традиционной грамматики) распределяются следующим образом: 1) глаголы, употребляемые с прямым дополнением, косвенным дополнением и обстоятельством (при органическом единстве этих компонентов). Это то, что называется глаголами полной предикации. 2) Глаголы, употребляемые только: а) с прямым и косвенным дополнением, б) с косвенным дополнением. При этом остальные элементы этих групп, если они есть, — контекстовые, т. е. несущественные для выражения полной предикации. 3) Глаголы, управляющие зависимым нексусом типа «Il dit que... etc.»

Изыскание лингвистических критериев в разграничении указанных элементов и составит решение проблемы классификации глаголов.

¹ Герберт Спенсер, Основные начала, М., 1899, стр. 81

Попытка исследователей разрешить эту проблему давалась лишь в той мере, в какой они использовали формальные критерии анализа, такие как трансформационный метод, дистрибутивный метод и т. д.

Правда, методологию и само название указанные методы получили в самое последнее время. Но интуитивно они применялись в какой-то мере и до появления структурных методов анализа. Так, например, грамматические вопросы школьной грамматики представляют собой не что иное, как элементы трансформационного анализа (субституция).

Трансформация является анализом по своему назначению, по существу, но по своему применению, по использованию это — процесс порождающий и, следовательно, едва ли не обратный анализу как таковому.

Необходимость применения этого метода вызвана потребностью самой науки. Дело в том, что традиционная лингвистика проводит анализ на уровне обыденного здравого смысла, т. е. на уровне наблюдения. Но наблюдение далеко не всегда, как это доказывает лингвистика (как и другие эмпирические науки), ведет к правильным общим принципам.

Индукция — это не значит выведение общих принципов из повторения какой-то последовательности фактов. У нас нет гарантии, что факты будут так повторяться всегда¹.

Целью науки является выведение общих принципов, для которых наблюдаемые факты будут следствием. Идеальная цель науки — выведение всех фактов из одного принципа, что, конечно, невозможно, так как это равноценно достижению абсолютной истины. Достижение абсолютной истины немислимо, так как общие результаты всякого исследования «...являются не принципами (выделение Ф. Энгельса), не исходными пунктами, а результатами, итогами»². Таким образом, если не только факты, но даже установленные так или иначе принципы, настолько сложны, что не дают никакой экономии по сравнению с самими фактами, то они тоже не служат развитию науки. Значит, существенным отличительным признаком научного исследования (от эмпирического) является принцип экономии. А следствием этого является выбор метода, с помощью которого из принципов выводится остальной состав науки. Вот таким методом в лингвистике и является трансформационный анализ.

Систему языка, да и всякую другую, можно описать, если выйти за ее пределы. В противном случае мы увязнем в фактах, не добравшись до общих принципов. Но как быть с системой (лингвистической), за пределы которой мы не можем выйти? Трансформационный анализ представляет собой попытку обойти эту тео-

¹ «Никакая индукция на свете никогда не помогла бы нам уяснить себе процесс индукции. Это мог сделать только анализ этого процесса», К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, М—Л, 1931 г., стр. 431.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XIV, М—Л, 1931, стр. 359

рему. В этом случае производят расщепление грамматической системы языка на две части, выделив фрагмент, и описывают весь язык по отношению к первому небольшому фрагменту.

Эта система лингвистического анализа, хоть и имеет многовековую традицию, должна быть подвергнута критике с современных научных позиций.

Дело в том, что традиционный анализ по членам предложения — не что иное, как попытка представить, описать одну систему, лингвистическую, с помощью другой — логической. Но в этом-то и кроется корень неудач, так как хоть общая идея описания одной системы через другую и верна, но способ представления систем неадекватен. Ведь истолкование систем может быть представлено различным образом.

Структура языка может быть представлена (определена) логической, психологической или другими структурами или же имманентно, как структура гомогенная, внутренние отношения которой не зависят ни от каких других рядов явлений. Этот последний способ и является адекватным способом описания системы. Эта идея известна из математики: прежде чем оперировать с какими-либо величинами, надо привести их к равному виду. В лингвистике она стала известна со времен «Курса» Ф. де Соссюра¹.

Логическая система синтаксиса членов предложения исходит из положения, что 1) единицы синтаксического и смыслового ряда находятся в корреляции. При этом 2) за основу выделения синтаксических единиц берется смысловая единица, то есть синтаксические единицы — подлежащее, сказуемое и пр. выделяются на основании логических единиц — субъекта, предиката и пр.

Иными словами, анализ по членам предложения пошел со стороны, противоположной структуральной. Он исходит из понимания языка именно как средства общения, т. е., он за основу берет логическую структуру (смысловую сторону) и пытается установить корреляцию со структурой лингвистических элементов. Но это невыполнимо, потому что преждевременно. В самом деле, прежде ведь надо установить синтаксический объект — лингвистические единицы, а уже потом можно пытаться установить связи и рубрикации этих элементов по традиционной логической схеме предложения: подлежащее, сказуемое и пр.

В этом отношении структурализм весьма последователен: он прежде всего пытается установить объективные лингвистические критерии для выделения синтаксических единиц.

Итак, корреляция между единицами смыслового и словесного ряда — основной постулат логического направления синтаксиса. Поэтому, если придерживаться такой исходной точки зрения, то следовало бы особое внимание обратить на главный принцип — противопоставление плана выражаемого и выражающего. Скажем, в предложении «L'écolier écrit l'écolier» выражает субъект, écrit —

¹ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М. 1934, стр. 166

предикат. В результате, синтаксический ряд (т. е. синтаксические единицы — подлежащее, сказуемое, — являющиеся выражением логических единиц в формах слов и частей речи) оказывается на одной стороне, а единицы логического ряда — субъект, предикат — на другой стороне. Первые — выражающие, вторые — выражаемые. Однако такой авторитетный труд, как Академическая грамматика, кажется, не противопоставляет этих двух планов. Во всяком случае, по Академической грамматике (как и по университетской) надо понимать, что подлежащее и сказуемое относятся к ряду выражаемого: «Подлежащее может быть выражено словом, имеющим любое лексическое значение...»¹. Как видно, речь идет о способах выражения подлежащего. Этим признается, что подлежащее есть то, что выражается, а не то, что выражает. Но слова и формы не нуждаются в выражении, так как они сами являются выражающими. Поэтому, говорить о способах выражения подлежащего, сказуемого и пр. не имеет смысла, так как подлежащее — это слово, а значит оно выражающее. Выражаемым в этом случае будет смысловая категория — субъект. По Академической грамматике получается, что оно одновременно и выражающее, и выражаемое, что, конечно, абсурдно.

Таким образом, любая очередная попытка интуитивного использования трансформационного метода безуспешна потому, что ложная аксиома ведет к ложному выводу: план выражения и план содержания не коррелируют, т. е. одна система не является проекцией другой.

Верная сама по себе попытка истолкования одной имманентной, замкнутой системы с помощью другой терпит фиаско: во-первых, из-за ложности исходного положения, во-вторых, из-за интуитивного подхода. В последнем случае даже при правильной отправной точке выводы будут непоследовательными (если не ложными).

Таким образом, структурная лингвистика права в своей попытке найти объективные критерии лингвистического анализа, не обременив себя учетом коммуникативной значимости языковых единиц.

Она тем более легко игнорирует коммуникативную нагрузку лингвистических объектов, что до сих пор занималась преимущественно фонемикой. А на этом уровне «легко» обойтись без учета коммуникативной значимости. Но в синтаксисе оказалось много труднее отыскать объективные критерии анализа, так как на этом уровне не удастся обойтись без учета значения. Однако, идея верна, ибо она стремится изыскать чисто формальные, лингвистические критерии с тем, чтобы перекинуть мостик, в конечном счете, к коммуникативной стороне языка. Здесь опять возникают затруднения принципиального характера.

Дело в том, что строго формальная система должна быть подобна математической системе, у которой нет своего отрезка действительности как объекта исследования. Но в языкознании любая теорема должна обладать экспланаторной функцией, т. е. должна

¹ Грамматика АН, ч. II, § 431.

быть содержательной, так как языкознание — наука эмпирическая.

Поэтому, для строго формальной теоремы надо перейти от уровня наблюдения к уровню конструкторов, второму уровню абстракции, где объективные связи не даны, не выражены материально, а примысливаются (конструируются). Подобным образом поступают многие науки.

В частности, в биологии есть понятие фенотипа, обозначающего внешние черты индивида, которые мы наблюдаем непосредственно, и есть понятие генотипа, генетической конструкции, которая непосредственно не наблюдается, а определяется набором гипотетических ген. Вот эти гены и являются тем уровнем конструкторов, которые необходимы для диалектического осмысления данного явления. В результате, получается очень полезная гипотеза, с помощью которой объясняются многие моменты наследственности. В физике аналогичную гипотезу представляла в свое время (сейчас это проверенная практикой теория) атомная структура материи. В лингвистике подобную теорию представляет собой теория фонемы.

Как видно, теория членов предложения не дает больших результатов в лингвистическом анализе, потому что типические отношения, представляемые членами предложения, общи не только для многих языков, но даже для целых типологических семей языков.

Следовательно, эта теория не может учесть тонкой спецификации структур различных языков, она учитывает лишь очень общие различия.

Поэтому логическая сущность анализа по членам предложения заставила многих лингвистов отказаться от них и выдвинуть новые методы членения предложения; как-то: теорию словосочетаний, метод НС, синтагматическую теорию Микуша и т. д.

Но все эти теории в силу своей односторонности или неразработанности не могли заменить глубоко укоренившуюся в практике преподавания и более универсальную теорию «членов предложения». И это не случайно, потому, что члены предложения, хоть и сами являются выражающими, но эту свою функцию они выражают при помощи формальных, т. е. лингвистических признаков.

Таким образом, члены предложения представляют собой не только логические построения: они имеют также и некоторые основания для своего выделения, ибо если выражаемые ими логические отношения характерны вообще для человеческого мышления, то способы их выражения различаются от языка к языку.

Во французском языке этому вопросу (формальных критериев членения предложения) уделялось мало внимания в силу распространенного мнения, что форма слова не играет большой роли в различении членов предложения. Здесь этот вопрос затрагивается лишь постольку, поскольку он касается выделения глагольных форм. Это значит, что в этом плане границы глагольных форм можно определить лишь косвенно, через формальное выражение глаголи

в роли сказуемого. Так, для выделения глагола в роли сказуемого вполне достаточна его личная форма. В свою очередь, выделение сказуемого, выражающего предикативное ядро предложения, позволяет выделить другие члены — подлежащее и объективное дополнение — по их относительному положению при глаголе.

Выделение предикативного ядра предложения составляет основание для выделения остальных членов, так или иначе связанных с ядром.

Попутно следует заметить, что монофункциональность формы, кроме глаголов, свойственна также и местоимениям: Так, местоимения *je, tu, il, on* могут быть только подлежащими. Наоборот, синкретизм других местоимений: *le (la), les, en, y*, вопреки общепринятому мнению, скорее затрудняет, затемняет установление различий синтаксических функций личной формы глагола. Зато их собственная функция становится ясней, потому что она опирается на монофункциональность личных форм глагола. Доказательством тому является хотя бы тот факт, что эти местоимения¹ не используются для различения многозначных форм глагола (например, неличные формы глагола).

Что касается использования этих местоимений путем постановки на место испытуемого члена для установления различий синтаксических функций этого члена предложения, то это иллюзия.

Дело в том, что значение многозначной формы мы узнаем (точнее сознаем интуитивно) «путем подсознательной ассоциации всего сочетания с аналогичным сочетанием, где на месте многозначной формы имеется уже легко раскрываемая однозначная»². Это с психологической точки зрения. Что же до объективной стороны дела, то единственным признаком будет дистрибуция.

Так, в предложении «*Je le vois*» функция «*le*» «как объекта глагола сознается по ассоциации с сочетанием» «*Je vois un homme*» объект которого определяет глагол как переходный. Следовательно, его функция осознается благодаря однозначности глагольной формы, а если возьмем другой глагол (т. е. его форму), многозначный, то и местоимение воспринимается как многозначное: «*Je le suis*». То же самое надо сказать и о грамматических вопросах. По давней традиции (едва ли не со времен александрийской грамматической школы) считают, что их назначение заключается в распознавании сомнительных случаев в употреблении члена предложения путем подстановки на его место грамматического вопроса.

Об их непригодности для обнаружения и распознавания грамматических категорий в учебных целях уже говорилось в научной литературе.³ Несмотря на это, грамматические вопросы использу-

¹ Здесь имеется ввиду использование местоимений (прономинальных эквивалентов) и грамматических вопросов для распознавания функций членов предложения.

² А. М. Пешковский, избр. труды, стр. 36, М. 1959 г.

³ См. там же «Вопрос о «вопросах».

ются не только в учебных, но и в научных целях в качестве «объективного» критерия для научных построений.

Но если на этом основании разделить глаголы на какие-либо семантические группы, скажем, 1) глаголы, употребляемые с одушевленным объектом, — грамматический вопрос — *qui*, 2) глаголы, которые, употребляются с неодушевленным объектом, — грамматический вопрос — *que* и 3) — глаголы, употребляемые и с тем и с другим, — грамматический вопрос — *qui, que*¹, то внутри этих групп глаголы окажутся очень разнообразными по своим семантическим оттенкам.

Цель научной классификации заключается в приведении всего многообразия фактов в строгую систему. Однако указанным путем цель не может быть достигнута. Поэтому, нужны другие критерии, другая классификация. Грамматические вопросы не могут быть основанием для научных классификаций, так как они не служат опорой для установления различий синтаксических функций в предложении.

Дело в том, что сама постановка этих вопросов возможна лишь после осмысления синтаксической природы объекта, и вопрос приходит тут не для узнавания, а лишь после узнавания. А если синтаксическая природа члена предложения не ясна, то и вопрос не может быть задан правильно.

Вопросы — факты языка, как и многие другие факты, могущие служить объектом изучения. Но при таком использовании грамматических вопросов как контрольных элементов сами-то они оказываются изъятыми из изучения. Если, например, подлежащее определяется (а оно до сих пор так и определяется в большинстве учебных пособий) как слово, отвечающее на вопрос *qui, que*, то в предложении «*qui vive?*» подлежащего нет. Однако это предложение не безличное.

В грамматиках говорится, что слова, отвечающие на вопрос *où* — обстоятельство. Но что такое само это *où* например, в предложении «*Où allez-vous?*» Далее, при определении синтаксических отношений членов предложений друг к другу практика вопросов и их постановки под испытываемое слово лишена основания, так как они приходят с опозданием (после осознания отношений).

Больше того, в двусмысленных конструкциях сами вопросы зависят от понимания синтаксических отношений. Так, в предложении «*Je reçois le livre de mon père*» синтаксические связи могут быть осмыслены двояко: 1. Получаю книгу моего отца и 2) Получаю книгу от моего отца (хоть она может и не принадлежать ему, как в первом случае). Интонационно это выражается в различном членении на ритмические группы: 1) «*Je reçois le livre... 2) Je reçois le livre — de...*». Видимо, здесь, чтобы знать как задать вопрос, надо уже знать синтаксические отношения.

¹ М. Бородина, «Семантико-грамматические группы в глаголе современного французского языка», стр. 86—92, М. 1946 г.

Таким образом, если в русском языке эти вопросы, хоть шаблоны и бесполезны (если не вредны в целях обучения, так как они не научают мыслить), но отражают структуру отношений, то во французском языке часто они не вскрывают реальных отношений. Например, в предложениях: «Je vais là-la ville», «Je vais dans la ville», «Je vais en ville» вопросы не могут вскрыть реальные отношения, так как, если в русском языке направление указывается падежом, то во французском языке, за неимением падежей, оно выражается дифференциацией функций предлогов или там, где нет крайней надобности, отсутствием самого различия — направления и местопребывания.

«Как голыми руками, так и одним только разумом нельзя создать много. Для совершенства произведения нужны инструменты и подсобные средства, в которых разум нуждается не меньше, чем руки»¹

III. МЕТОД

Ни в одном из изученных языков классификация слов не является окончательной. На протяжении всей истории языкознания классы слов (части речи) меняются по составу как в количественном, так и в качественном отношении потому, что факты классифицируются на основании ряда критериев.

Важнейшим из критериев является семантический, т. е. признак общности значения для данного класса слов.

В этом случае лингвистические явления подводятся под логические категории действия, его признака, субстанции, качества, предикации, местоименности и т. д. Например, в этот последний класс включают логически единые, но грамматически очень пестрые и неоднородные группы слов: *moi, je, mon, quelq'un, ici, là-bas* etc.

Значение местоименности считается общим значением этих языковых форм.

Однако как теоретические, так и прикладные нужды¹ языкознания не могут быть решены без классификации слов, основанной на критериях формальных, объективно существующих в языке ввиду того, что семантический критерий оставляет структуру языка в стороне, за пределами анализа и является источником субъективизма в языкознании.

Основным из объективных критериев анализа является сочетаемость слов. Таким образом, современное языкознание, стремясь избавиться от субъективизма, подходит к анализу с противополож-

¹ Бэкон Веруламский, из книги Фридриха Кунце «Техника умственного труда», стр. 16, Харьков, 1923 г.

¹ См. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1959 г., т. XVII, вып. 3, стр. 211.

ной стороны, со стороны объективно существующих различий в характере сочетаемости языковых форм, а не со стороны семантики.

Эти-то объективные различия в сочетаемости языковых единиц и положены в основу дистрибутивной классификации. Дистрибутивный метод анализа принципиально не нов, он давно находит применение в других науках. Так, в естественных науках классическим примером служит классификация людей по группам крови¹.

Следующая таблица дает единственно возможные сочетания групп крови при переливаниях.

		РЕЦИПИЕНТ			
		I	II	III	IV
донор	I	+	+	+	+
	II		+		+
	III			+	+
	IV				+

Таковы объективные результаты классификации. Каждая группа крови характеризуется распределением, присущим только ей, иначе говоря, сочетаемостью. Но дело заключается не столько в результатах (достаточно объективные результаты получаются и при интуитивных методах анализа), сколько в методе получения результата. При этом, выделяя словесные ряды, следует учитывать не всякую глагольную форму, а только финитный глагол, потому, что нефинитные формы глагола могут представлять собою преобразованную форму и, следовательно, модель² может вовсе и не содержать глагола после преобразования нефинитной формы глагола в финитную.

Кроме того, глагол как часть речи, включающая и нефинитные формы (инфинитив и причастия), выделен (как сказано на стр. 33) традиционно на основании значения, а при выделении его структурными методами он распадается на неравнозначные по форме и функции две группы: финитные и нефинитные глаголы. Итак, по условию ядро всегда представлено финитным глаголом.

¹ Пример заимствован из статьи В. И. Григорьева В. Я., № 1, 1959 г., стр. 101.

² Модель — это сочетание данного ядра с его оптимальными окружением. Ее можно назвать также структурой, рамкой или конфигурацией, имея при этом в виду не словосочетание как конкретное (материальное) сочетание конкретных слов, а тип или форму.

Число членов окружения ядра составляет его мощность. У ядра класса U (глагол) несколько окружений разной мощности, т. е. ядро имеет окружение с переменным числом членов. Одно из окружений — оптимальное, а остальные — избыточные или недостаточные. Оптимальное окружение то, которое имеет минимальное количество членов, без ограничения со стороны контекста или ситуации. Уменьшение такого окружения делает его недостаточным, а превышение, наоборот, делает его избыточным. Однако окружение может быть одновременно и избыточным и недостаточным. В примере «Il lit bien vite» окружение ядра недостаточно, потому что модель формально не выполнена — опущен элемент окружения; с другой стороны, оно избыточно, так как оптимальное окружение превышено элементами «bien», «vite». Таким образом, ядро характеризуется сочетаемостью с членами своего окружения.

Сочетаемость — это потенциальная связь лингвистической единицы того или иного уровня с гомогенными языковыми элементами (т. е. фонемы с фонемой, морфемы с морфемой; для нас важна сочетаемость на уровне слова). Если сочетаемость понимать как реализацию связей конкретных, материальных слов, то для потенциальной реализации языковых элементов в модели есть понятие в а л е н т н о с т и¹.

Следовательно, если понятия дифференцировать терминологически, то сочетаемость — это факт речи, а валентность — это факт языка.

По содержанию понятия в а л е н т н о с т ь — это информация о членах окружения глагольного ядра, с которыми оно может быть связано, а не информация о самом ядре. На этом основании дистрибутивный метод более объективен по сравнению с традиционным, представляющим собою информацию о самом ядре.

Значит, если реализованная языковая модель представляет собою словосочетание, то потенциальную модель лучше всего называть конфигурацией², потому что она соответствует грамматической сочетаемости. Понятию же «словосочетание» соответствует лексической сочетаемости, о чем свидетельствует уже этимология слова.

С методологической точки зрения метод дистрибутивного анализа обладает еще одним преимуществом: он диалектичен. Его диалектичность состоит в том, что для выделения языковых единиц внутри синтаксического целого в качестве основания деления берутся их реляционные свойства, а не абсолютные. При этом, правда, их абсолютные свойства не отрицаются, но их учитывают во вторую очередь. Дело в том, что, во-первых, при анализе по членам предложения за основание берутся части высказывания, единицы со своими собственными свойствами, источником которых является

¹ В советской лингвистике термин «валентность» впервые был введен проф. С. Д. Кацнельсоном в 1948 г. См. Вестник Ленинградского университета, № 2, 1948 г., стр. 132.

² Понятие «конфигурации» заимствовано из математики.

не синтаксическая, а логическая структура, т. е. содержание высказывания, смысл. Но при тождестве содержания части высказывания имеют разные средства своего выражения. Во-вторых, грамматические формы выступают в синтаксическом целом со своими свойствами, заранее данными¹. Значит, и грамматическая форма имеет абсолютные свойства, но это еще не составляет синтаксиса.

Синтаксис составляют лишь те грамматические свойства лингвистических единиц, которые порождаются в самом предложении².

В самом же предложении порождается только одно: разные виды зависимости синтаксических единиц между собою. Это и есть реляционные свойства. Например: «Студент читает книгу» и «Чтение книги полезно». В плане содержания единицы высказывания «книгу» и «книги» обозначают объект. Значит, с этой точки зрения надо признать, что обе формы представляют собою одну и ту же синтаксическую единицу — дополнение. Но в этом случае утрачивается принципиальное различие моделей. А чтобы сохранить синтаксические различия, надо указать, что в одном предложении оно зависит от глагола, в другом — от существительного.

Словом, свойства синтаксической единицы определяются структурой предложения, а не высказывания, как предполагает анализ по членам предложения. Такая реляционная зависимость синтаксической единицы как члена данного, а не другого отношения в предложении называется п о з и ц и е й. Установление такой зависимости — важнейшая операция дистрибутивного анализа, ибо отсутствие понятия позиции ликвидирует принципиальное различие между моделями предложений.

Короче говоря, все это представляет собою развитие сосюрского тезиса о том, что в языке нет ничего, кроме противопоставлений, что язык есть форма, а не субстанция. Это значит, что синтаксическая единица определяется своим отношением к гомогенным единицам, т. е. то, что называется реляционно, а не субстанциально. В этом случае говорят, после Соссюра, что лингвистическая единица имеет значимость (*valeur*), а не значение.

Итак, слово обладает известной широтой сочетаемости, которая зависит не только от его семантики, но и от его формальных свойств, от комбинаторных возможностей класса, к которому принадлежит слово. В числе различных признаков формальных классов слов основным в структуральной лингвистике считается широта сочетаемости.

У разных классов слов широта сочетаемости различна. В пределах же данного класса слов потенциал сочетаемости отдельного конкретного слова ограничен, во-первых, комбинаторными свойствами

¹ Перечень этих свойств составляет морфологию.

² Ср. с определением синтаксиса у Блумфилда «Синтаксическими конструкциями являются конструкции, в которых ни один из непосредственно его составляющих элементов не является связанной формой, т. е. формой, не выступающей в речи самостоятельно» (цит. по книге «Общее и индоевропейское языкознание», 1956 г., М., стр. 75).

этого класса (части речи), во-вторых, лексической несовместимостью значения слова.

Отсюда возникает необходимость различать два вида сочетаемости — лексическую и грамматическую. Это необходимо для определения основного понятия дистрибутивного анализа — о к р у ж е н и я, являющегося объективным выражением значения слова.

Таким образом, к признакам слова как представителя данного класса относится его грамматическая сочетаемость. Если учитывать лексическую конкретность слова, то логически слова «круглый» и «квадрат» не сочетаются, но грамматически «круглый квадрат» вполне возможно. Поэтому, слова «круглый», «зеленый», «каменный» и т. д. не различаются, но различаются «круглый» и «стол», «каменный» и «дом» и т. д., так как они определяются различным грамматическим окружением. Можно сказать «читаю книгу», но «читаю красную» невозможно (разумеется, если это не эллипсис или не конвертированная форма). Таким образом, данный класс слов имеет объективное выражение в окружении, т. е. в сочетаемости по словам других классов слов. Как правило, класс слов имеет сочетаемость со словами нескольких классов слов. Скажем, глагол сочетается с существительным, наречием, предлогом и т. д. При этом можно выделить сочетаемость с таким классом слов, который будет структурным сигналом, необходимым и достаточным для отождествления данного класса слов. Такая сочетаемость называется д и а г н о с т и ч е с к о й. Диагностическое окружение — показатель тождественности класса двух лингвистических единиц. Так, например, в русском языке сочетание «существительное с прилагательным» является диагностическим окружением существительного, во французском языке для класса существительных диагностическим является сочетание с предшествующим артиклем (проверка возможности позиции после прилагательного при наличии позиции после артикля будет избыточной).

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

- К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, М.—Л., 1931.
Ш. Балли, «Общее языкознание и вопросы французского языка», М. 1955.
М. Бородина, «Семантико-грамматические группы в глаголе современного французского языка» (канд. диссерт.) М. 1946.
С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков, учебник русского языка, М. 1955.
Валгина Н. С. и др. Современный русский язык, изд. «Высшая школа» М. 1964.
Вандриес, Язык, М. 1937
Грамматика русского языка А. Н. СССР, М. 1954
Десницкая А. В. «К вопросу о развитии винительного падежа в индоевропейских языках», Изд. ОЛЯ АН СССР, т. 6, М. 1947.
Десницкая А. В. «Из истории развития категории глагольной переходности», Сб. памяти академика Л. В. Щербы, 1951.
Кунце Фр. «Техника умственного труда», Харьков, 1923.
Карпевский С. О. «Повторительный курс русского языка», М. 1929.
Мейе А., «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», М. 1938.

- «Общее и индоевропейское языкознание» (хрестоматия, ч. IX, М. 1956)
Пешковский А. М., Избр. труды, М. 1959.
Спенсер Г. «Основные начала», М. 1899.
Соссюр. Ф. «Курс общей лингвистики», 1934, М.
Трубецкой Н. С. «Основы фонологии», М. 1960
Щерба Л. В. Сб. «Русская речь», новая серия, вып. II. М. 1928.
Вопросы языкознания, № 1, 1959, № 1, 1960, № 1, 1961
Известия АН СССР, ОЛЯ, 1959, т. XVII, вып. 3.
C. de Boer, Syntaxe du francais moderne, Leide, 1947.
L. Clédat, Nouvelle Grammaire historique, Paris, 1911.
H. Frei, La Grammaire des fautes, Paris, 1929.
-